

До того как уснуть, я могла себя видеть. Я была  
видима и знала, кто я такая.

Это было до.



Не уверена, что именно меня будит: яркость ультрафиолетовых трубок солярия или грохот, с которым Леди гоняет свою миску у двери между прихожей и гаражом.

Фиолетового оттенка лампы такие яркие, что, даже когда я зажмуриваюсь, они всё равно слепят мне глаза.

Я что, уснула?

Почему таймер не сработал?

Сколько я здесь пролежала?

Впрочем, все эти вопросы отодвигает на второй план главное: мне ужасно хочется пить. Язык даже не прилипает к нёбу, а просто скребёт по рту. Я вырабатываю немного слюны, чтобы хоть чуть-чуть избавиться от сухости.

Я поднимаю крышку солярия и перекидываю ноги через край. На том месте, где я лежала, виднеется лужица пота — испарины, как сказала бы ба. Меня по-прежнему слепят лампы, и я усиленно моргаю, но — вот странность — кажется, что при моргании мир не делается тёмным, хотя за глазами плавают какие-то пятна и вспышки.

Одной рукой я нашариваю выключатель на боку солярия, и лампы гаснут.

Становится получше, но только чуть-чуть. Я всё ещё чувствую себя ужасно. Голова раскальвается, и некоторое время я просто сижу.

Нужно было сперва проверить таймер. Я наблюдаю, как цифры на старых электронных часах на стене гаража сменяются с 11.04 на 11.05.

О. Боже. Мой.

Я пролежала под этими лампами часа, типа, полтора. Здравствуй, солнечный ожог! Бледная кожа, рыжие волосы (ну, рыжеватые), прогрессирующее акне и мощный солнечный ожог: ну и сочтаньнице.

Я гляжу вперёд, давая глазам привыкнуть к пыльному мраку гаража. Я вижу старую свёрнутую ковровую дорожку, мой детский велик, который мы почему-то до сих пор не выкинули, несколько картонных коробок с одеждой для церкви и капельки дождя, усеивающие единственное узкое окошко в двери, ведущей в сад за домом.

С тех пор как я проснулась, прошло секунд двадцать, может, даже тридцать.

Потом звонит мой лежащий на полу телефон. Я смотрю на него — это Эллиот фигов Бойд — не подумайте, это не полное его имя. Я редко бываю в настроении с ним болтать, так что протягиваю руку, чтобы переключить на беззвучный режим — пусть на голосовую почту попадёт.

Этот момент я не забуду никогда.

Момент такой странный и пугающий, что его довольно трудно описать, но я очень постараюсь.

Видите ли, поначалу я не замечаю, что сделалась полностью невидимой.

А потом замечаю.

# ГЛАВА 1

Действия, которые я совершаю: протягиваю руку, поднимаю пиццаций телефон, нахожу кнопку беззвучного режима, нажимаю на неё и таращусь на экран, пока телефон вибрирует в моей ладони, а потом утихает... — всё это так совершенно *нормально* и обыденно, что я думаю: это просто мой мозг восполняет недостающие детали.

Недостающие детали вроде моей ладони и пальцев.

Наверное, это немножко смахивает на просмотр мультика. Все знают, что мультик — или вообще любой фильм, если уж на то пошло, — это просто последовательность кадров.

Когда смотришь их быстро, один за другим, мозг просто заполняет пробелы, чтобы картинка не была дёрганой.

Думаю, именно это и делают мои глаза и мозг в те две-три секунды, которые уходят на отключение телефона. Они просто «видят» мою ладонь, потому что *ожидают* её увидеть.

Но это не длится долго.

Я моргаю и смотрю на телефон на полу. Потом смотрю на руку. Я подношу ладонь к лицу и верчу его.  
*Её нет.*

Ладно, остановимся на минутку. Прямо сейчас поднесите ладонь к лицу. Я подожду.

Она на месте, так ведь? Ваша ладонь? Конечно, да.

Теперь поверните её и посмотрите на тыльную сторону. Несколько секунд назад я делала именно это, вот только моей ладони не было — и нет.

На этом этапе я не напугана, ничего такого. Скорее, сбита с толку.

Я думаю: «Это странно. Солярный что ли на мой мозг повлиял?» Может, я ещё не проснулась до конца, или вижу сон, или у меня галлюцинации, или что-то в этом духе?

Я опускаю взгляд на свои ноги. Их тоже нет, хотя я могу до них дотронуться. Я могу дотронуться до лица. Я могу дотронуться до каждой части своего тела и почувствовать их — просто не вижу.

Не знаю, сколько я так сижу, раз за разом оглядывая то место, где, по идее, должна находиться. Несколько секунд, наверное, но не больше минуты. Я прокручиваю в голове: бывало ли такое раньше? Это вообще нормально? Может, дело в моём зрении — вдруг меня временно ослепило сильное ультрафиолетовое излучение? Вот только всё остальное я видеть могу — всё, кроме себя самой.

Вот *теперь* мне становится страшно, а моё дыхание слегка учащается. Я встаю и иду к раковине в углу гаража — там висит зеркало.

И тут я кричу. Негромко — скорее, даже ахаю.

Представьте, если сможете, что стоите перед зеркалом и ничего не видите. Ваше собственное лицо не глядит на вас в ответ. Всё, что отражается в зеркале, лишь комната позади вас. Или, в моём случае, гараж.

Ахнув, я понимаю, что происходит. Я трясую головой, улыбаюсь и даже тихонько хихикаю. Я говорю себе: «Ладно, ты явно видишь сон». Да ещё и яркий такой, ого! Всё кажется очень реалистичным. Знаете, бывают такие сны, про которые вы точно понимаете, что это сны, даже когда собственно видите их. Ну так это не тот случай! Это самый реалистичный сон из всех, что я видела, и я начинаю думать, что это весьма весело. Тем не менее я пробегаюсь по проверочному списку «Сплю ли я?»: моргаю, щипаю себя, говорю себе: «Проснись, Этель, это просто сон».

Вот только, пройдясь по списку, я по-прежнему стою в гараже. До чего упрямый сон! Так что я делаю то же самое снова и снова.

Нет, это не сон.

*Определённо* не сон. Тут я перестаю улыбаться.

Я крепко закрываю глаза — и ничего не происходит. То есть я *чувствую*, что мои веки сжимаются, *но я по-прежнему всё вижу*. Я вижу гараж, хоть и знаю, что глаза у меня закрыты — зажмурены изо всех сил вообще-то.

Я накрываю глаза ладонями — *и так же* прекрасно всё вижу.

Живот сводит от испуга, страха и ужаса — сочетание очень жуткое. Неожиданно меня рвёт в раковину, но я не вижу рвоты — только слышу её плеск и чувствую горячую горечь во рту. Потом, через секунду-другую, она материализуется на моих глазах: полупереваренные кукурузные хлопья, которыми я позавтракала.

Я включаю кран, чтобы смыть это. Сую ладонь под струю воды — та принимает форму ладони. Я подношу пригоршню воды к пересохшему рту и поражённо таращусь, как передо мной поднимается водный пузырь. Я глотаю его и снова смотрю в зеркало: мои губы на секунду становятся почти видимыми в том месте, где их коснулась вода, и я различаю жидкость, когда она опускается по моему горлу, а потом всё исчезает.

Меня охватывает такой сильный ужас, которого я никогда не испытывала.

Стоя перед зеркалом, вцепляясь в края раковины невидимыми руками, пока мой мозг едва не взрывается в попытке обработать эту... *странность*, я делаю то, что сделал бы любой.

Что сделали бы вы.

Я зову на помощь.

— Ба! БА! БА!

## ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

**Я собираюсь рассказать вам, как стала невидимой, а попутно узнала целую кучу всякого-разного.**

Но для этого вам потребуется немного, как называет это мой учитель мистер Паркер, «предыстории». Того, что привело к моей невидимости.

Потерпите пару глав. Я буду кратка, а потом мы вернёмся в гараж ко мне, невидимой.

Однако самое первое, что мне стоит сделать, прежде чем продолжить, — это предупредить вас: я не «бунтарка».

Я говорю это только на тот случай, если вы надеетесь, что я одна из тех безбашенных детей, которые вечно попадают в неприятности и «дерзят» взрослым.

Конечно, если не считать невидимость попаданием в неприятности.

А насчёт того раза, когда я выругалась на миссис Аберкромби: это вышло случайно, я уже тысячу раз говорила. Я хотела назвать её «гадюкой» — что, признаю, само по себе грубо, но не так грубо, как рифмующееся с этим слово, которое у меня нечаянно вырвалось. За это мне ЗДОРОВО попало от ба. А миссис Аберкромби до сих пор считает, что я очень грубая девчонка, хоть это и было больше трёх лет назад, и к тому же я написала ей письмо с извинениями на лучшей почтовой бумаге ба.

(Я знаю, что она до сих пор злится, потому что её пёс Джеффри вечно на меня рычит. Джеффри на всех рычит, но миссис Аберкромби всегда говорит: «Прекрати, Джеффри» — кроме тех случаев, когда он рычит на меня.)

В общем, обычно я просто спокойно сижу на задней парте в школе сама по себе, занимаясь своими делами, — ла-ла-ла, не-трогайте-меня-и-я-не-трону-вас и так далее.

Но, знаете, это присловье, которое используют взрослые, чтобы казаться умными: «Ах, что поделать — в тихом омуте, а?»

Это я. «Тихий омут». Настолько тихий, что практически невидимый.

Что, если подумать, весьма забавно.